

Метагалактические Философские чтения Синтеза

Метагалактический Ленинградец – гражданин Ленинградской области.

Тема: Дом Человека.

Тематики первого Синтеза очень разные, но все они имеют одну категориальную основу – Образ, причем Отцовский образ, который рождается Синтезом осмысления содержания идей, смыслов, мыслей, образов, ощущений, императивов о Явлении. Следует вспомнить, что задачей философских чтений это развивая Человека новой эпохи, воспитать и развить в нем мыслителя, и далее философа, в развитии способности складывать свою философию жизни, применять философию практикой жизни, давая таким образом состояние свободы, возможности и способность управления своей жизнью самому.

Как рождается образ и что такое образ развернем на одном явлении-: Дом, Дом человека, Дом Отца. Категориально «Дом», осмысляя и философствуя.

Философ конца 17 столетия Мартин Бубер сложный неоднозначный человек, создал оригинальное учение о диалоге, об отношениях «Я – Ты», разработал концепцию философской антропологии, в основу которой положил идею понимания человека как целостной конкретной личности, находящейся в постоянных отношениях с другими людьми. В центре буберовской философской антропологии находится не изолированный индивид, не «человек-одиночка» и не человек, растворившийся в массе, в коллективе, а человек, стремящийся к постоянному диалогу с Другим, к диалогу Я с вечным ТЫ (Богом).

Бубер различает в истории "эпохи обустроенности" (Behausheit) и "эпохи бездомности". В эпоху обустроенности человек чувствует себя органичной частью космоса – как в обжитом доме. В эпоху бездомности мир уже не кажется гармонически упорядоченным целым, и человеку трудно найти себе "уютное место" в нем, – отсюда чувство неприкаянности и "сиротства". В другом варианте перевода понятие "Behausheit" выражено словами "домашняя эпоха". Самочувствие обустроенности характерно, например, для мышления древних греков. Наиболее полное выражение оно нашло, как полагает Бубер, в философии Аристотеля. Мир тут представляется замкнутым пространством, таким "домом", где человеку отведено определенное место. Человек тут – вещь наряду с другими вещами, наполняющими мир; он не кажется себе непостижимой тайной; он не гость в странном и непонятном мире, а обладатель собственного угла в мироздании. В рамках такого мировоззрения нет предпосылок для того, чтобы человек осознавал себя фатально одиноким.

Первое это наша ассоциация с домом, рождающая в нас определенное эмоциональное состояние ощущений и чувств. Это детство –ребенок. Для нас детей дом — это место защиты и отдыха, опора и стабильность, безопасности и сытости, понимания и ожидания поддержки. Поэтому мы говорим: – устал, скорее бы домой, сыро, холодно скорее бы до дому доехать, голоден – бегу домой. И мы несем домой все свое: и обиды, и расстройства, и успехи, и удачи, потому что знаем, сейчас дойдем, придем и все образуется. Поэтому Дом, а не здание, home, а не house, воспринимается нами где нас любя, ждут, помогут, поймут, выслушают. И не так важно в каком здании дом, сколько важны родители для ребенка, создающие этот дом атмосферой и средой. Поэтому детей не травмирует переезд, дом все равно с ними.

Итак, здесь главная категория — это среда и атмосфера, наличие субъекта: отца, матери и могут быть другие родственники и просто люди. При этом изначально является именно Человек: отец, мать, бабушка, и другие, которые и создают эту среду своими мыслями, чувствами, идеями, делами, как они это делают эти дела. То есть, это не просто щи и пироги, чистота и комфорт, а это среда – все это в компакте. Уметь сложить среду, атмосферу домашности не всем получается, поэтому может быть дом, где одна мать, а может его не быть с большой семьей, и ребенок либо бежит домой, либо не стремится туда, интуитивно ища его на улице.

По мере взросления человека, происходит изменение его отношения к дому. Дом уже перестает быть той крепостью, тем укрытием, в которое он бежал в детстве. Само понятие становится более абстрактным. Использование этого слова по большей части лишается своей чувственной составляющей. То есть человек по привычке называет то место, куда он возвращается каждый вечер, домом. Взрослея, мы становимся все более самостоятельными, нам хочется разорвать те узы, которые привязывают нас к нашему «беспомощному» прошлому, мы начинаем искать свой собственный путь в жизни. И тогда к

слову «дом» присоединяется уточняющее прилагательное – «родительский». Не факт, что в этот момент у человека уже есть иной, отличный от родительского, дом. Но уже очевидно то, что домом могут называться и какие-то другие стены. Когда человек создаст новую семью и поселится с ней в новом жилище, когда он обустроит его по своему вкусу, у него появится новый дом – место, где он сможет найти покой и поддержку, которое оградит его от внешней суеты, станет некоторой внутренней средой его обитания. Даже если ничего этого на самом деле нет, то, где человек все же надеется это обрести, будет называться его домом.

По мере взросления личности человека мир вокруг человека, который он наполняет своими вещами, делами, идеями может расти, обретая иные уже масштабные явления захватывая своей средой обитания других людей и их дела, вовлекая их своими делами, мыслями и идеями, взглядами и своей пассионарностью. И дом обретает иные масштабы и другую мощь, значимую уже для общества граждан, страны. И мы знаем их как Дом Романовых, Дом Стругацких, Дом Юсуповых. И среда этих домов становится значимой для государства, страны, граждан. Дом расширил свои масштабы, но и среда, и атмосфера этого дома сохраняя все предыдущие смыслы, углубляет возможности растущего в этом доме человека, воспитывая в нем не просто человеческие, но уже и гражданские качества, и свойства. Растет человек – гражданин своей страны, не по определению своего рождения, а по сформированным личностным качествам. В таком взрослении Домом становится твоя родина. Находясь за границей, человек тоскует. Но это тоска не только по родным и близким, эта тоска имеет гораздо более глубокие истоки. Она возникает от того, что обстоятельства вырывают нас из привычной нам системы отношений, заставляют искать свое назначение в среде, в которой все роли были распределены уже до нас. Неустроенность и ненужность в итоге порождают то чувство, которое мы называем «ностальгией».

Итак, подойти к осмыслению явления «дом» нужно с совершенно разных сторон, а потому и в различной степени оценить его глубину. Если говорить о первых ассоциациях, возникающих в голове, то дом – это наш маленький внутренний мир, теплое место, где нас всегда любят и ждут, наш приют в мире суеты. Но среда эта создана миром отношений, живущих в нем, в каком-то смысле сотворена, каждым. И эта среда становится питательной средой для растущего Человека. Отсюда воспитание – восполненное питание и понимание того, что воспитывает человека, или человека – гражданина, творца и созидателя, среда дел наших обозначенная «домом». Человек, нашедший свое место на Земле, обретает свой дом, гармонию.

И возникает известный парадокс курицы и яйца. Среда, воспитанный человек, его дом, иная среда, и что же здесь первично? Где та самая главная суть, которая на конце нитки клубка, ведь сколько верёвочке не виться...))

В центре дома Человек. "Что же я такое, Боже мой? Какова природа моя?" – вопрошает Августин. Он называет человека *grande profundum*, великой тайной. Именно эпоха бездомности могла побудить Августина удивиться бытию человека, не подобного прочим тварям вселенной и занимающего особое положение в мире, и созданного по образу и подобию. Мироззрения многих философов осмыслением этого феномена наполняли ноосферу планеты.

Строительство христианского "дома" увенчалось учением **Фомы Аквинского (1225/1226-1274)**, в котором вопрос о природе человека уже не казался проблемой. "Антропологический вопрос снова удаляется здесь на покой, – пишет М. Бубер.

К. Маркс предложил не новую модель мира, а только новую модель общества – "дом", сооружаемый из производственных отношений.

Грандиозная философская система Гегеля представляет собой "дом" только во времени, в истории, но не в пространстве; да и время у Гегеля не "конкретное" (живое, необратимое), а только мыслимое. "Мировой дом Гегеля восхитителен, – говорит Бубер, – в нем все можно объяснить, <...> но как жильё он никуда не годится.

Наконец, XX век Хайдеггер, назвавший язык домом бытия, уже не строит ни космического, ни социального "дома". У Хайдеггера одиночество человека мыслится как благо, позволяющее ему быть самим собой и противостоять обезличивающему влиянию "люда" (*das Man*). Одиночка Хайдеггера ищет общения только с самим собой.

Началом Нового времени стройная картина мироздания вновь дрогнула. В философии **Николая Кузанского (1401-1464)** мир был представлен бесконечным в пространстве и времени, а Земля, следовательно, лишилась центрального положения.

Довершил разрушение средневековой схемы **Николай Коперник (1473-1543)**, без обиняков объявивший Землю рядовой планетой Солнечной системы. Земная твердь начала утрачивать роль незыблемого фундамента всего мира: она сама подвешена в невообразимой бесконечности. Человек в этом мире оказался беззащитным перед бездной бесконечности. Эту *несоизмеримость* человека со Вселенной "с непревзойденной и поныне ясностью" прочувствовал и выразил, по мнению М. Бубера, Блез, Паскаль в результате перемен в мироззрении, происшедших в Новое время, личность

"стала бездомной посреди бесконечного". "...Был расторгнут изначальный договор Вселенной и человека, и человек почувствовал, что он в этом мире пришелец и одиночка". В это время шла работа над новым *образом* мироздания, но не над новым мировым домом... Космос Эйнштейна можно помыслить, но нельзя вообразить. Человек вынужден принять как факт свою бездомность и затерянность во Вселенной.

Концепции русского космизма созвучна возникшая в 70-х гг. XX в. идея связи человека и Вселенной, которая получила название **антропный принцип** (от «антропос» – человек).

Антропный принцип впервые был сформулирован астрономом Б. Картером. Суть его состоит в следующем. Физики и астрономы, изучавшие основные физические константы нашей Вселенной (такие как постоянная Планка, гравитационная постоянная, заряд электрона, константа сильного взаимодействия), задумались над вопросом: почему эти физические величины именно такие, какими мы их знаем? Что было бы, если бы они оказались больше или меньше? Подсчеты показали, что значения этих констант могли бы варьировать только в очень узких пределах. Если бы они выходили за эти пределы, никаких мыслящих существ во Вселенной не могло бы возникнуть. Так, «более сильное гравитационное воздействие было бы несовместимо с образованием планет и, значит, с существованием на них обладателей», т. е. разумных существ. «На основе этих соображений Б. Картер формулирует сам антропный принцип, указывающий на глубокую связь человека и Вселенной: «Вселенная (и, следовательно, фундаментальные параметры, от которых она зависит) должна быть такой, чтобы в ней на некотором этапе эволюции допускалось существование наблюдателей». Эту мысль можно выразить несколько иначе. Человек мог бы и не возникнуть в нашей Вселенной. Но раз уж мы существуем (человек все-таки возник), можно сделать абсолютно

достоверный вывод: в прошлом Вселенная не могла развиваться, как угодно. Она развивалась таким образом, что в ней постепенно подготавливалось появление разумного существа (возникали атомы и молекулы, жизнь, позвоночные животные). Точно известно, что во Вселенной не произошло ни одного события, которое делало бы появление человека невозможным. Из простого факта нашего существования следует, что появление человека постепенно подготавливалось всем ходом развития материального мира. Природа человека и природа мира имеют глубокое внутреннее единство.

То есть в нас растет понимание, что вся вселенная созидает нас Человека, обуславливая ростом внутренней субстанциональности внутри человека, и эта внутренняя субстанциональность является итогом грандиозных космологических взаимодействий, которые возвращают этой субстанциональностью внутренние качества человека. Совокупность субстанциональных свойств и качеств, которые человек за период своего развития определил понятием разума ума души интеллекта, возрастили коллективно, не субъективно. Качественно – количественный переход субстанциональности космоса называемой Новой Эпохой – метagalacticкой сферы взаимодействия всего во всем с иерархической системностью этих сфер, осознаваемых философами Космистами. Биосфера, ноосфера, атмосфера. Метagalacticкое воздействие сфер на человека с субстанциональной организацией его качеств и свойств и создает среду творения и созидания человека космически. Таким образом становясь его Домом, но уже внешним большим миром Вселенной Метagalacticки. И человек обретает новый Дом и с ним новые возможности и условия своему росту и становлению от человека Творимого к Человеку–Творцу. Сфера вокруг Человека на которую проецируются субстанциональности иерархических сфер метagalacticки, каждая из которых несёт свою специфичность в организации материи и вещества Человека. И возникает самоорганизация объективной материи космоса и субъективной материи Человека в единстве Домом. Умение воспринимать это феномен дано Человеку, в чем и раскрывается его великая «тайна». О, Августин, утешься. Способность синтезировать собою, внутри себя объективную материю субъективно, рождая синтез ноуменального духа и феноменальной материи. Эпоха Дома, предчувствованная мыслителями разных эпох, свершилась в своей самой высокой идее. Космосом созданный человек, обретая свой дом метagalacticкой и в метagalacticке, становится Творцом ее, преобразуя объективную субстанциональность метagalacticки, возвращённым качеством субъективной материи самого себя. И эта идея развернет перед человеком и человечеством новые горизонты и ареалы жизни, в которых наша планета Земля, системно встроенная как часть целого, становится нашим «alma mater», общим Домом, родительским Домом, из которого вырастут наши дети,

осваивая новые рубежи жизни. Но по праву рождения на ней, особенно дорогой каждому человеку, что объединит нас – всё человечество планеты заботой и теплом о ней, в понимании сути свершившегося.

Елена Кургузова.

